

Institute of World History
Russian Academy of Sciences

**Russia and Europe:
Interaction and Mutual Understanding
1700s–1900s**

Collection of essays

Moscow 2017

Институт всеобщей истории
Российской академии наук

**Россия и Европа:
исторический опыт взаимодействия
и взаимопонимания
XVIII–XX вв.**

Сборник статей

Москва 2017

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)
Р 768

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 15-18-30087*

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян (ответственный редактор), А.А. Исэров, М.А. Петрова,
Л.А. Садова (составитель)

Россия и Европа : исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв. : сборник статей / Отв. ред. М.Ц. Арзаканян ; Институт всеобщей истории РАН. – М. : Геоинфо, 2017. – 392 с.

ISBN 978-5-9908493-4-1

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных по итогам Международной научной конференции, которая проходила в Москве в Институте всеобщей истории РАН 9–11 ноября 2016 г. и была посвящена различным аспектам взаимоотношений России и Западной Европы в XVIII–XX вв.

Для историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9908493-4-1

© Институт всеобщей истории РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

9–11 ноября 2016 г. в Институте всеобщей истории Российской академии наук состоялась Международная научная конференция «Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв.», организованная при финансовой поддержке Российского научного фонда. В работе конференции приняли участие известные российские учёные из разных регионов России, а также большая группа международных специалистов из стран Европы. По итогам конференции был подготовлен предлагаемый вниманию читателя сборник статей.

Тема «Россия и Европа» по-прежнему является актуальной не только для узкого круга специалистов. В XIX в. споры по этой теме раскалывали российское общество. В наше время обострение дискуссий объясняется во многом политическими разногласиями между Россией и Европейским Союзом. Некоторые видят причины этих разногласий в современной конъюнктуре, другие ищут их корни в прошлом. Текущие споры дали новый всплеск интереса к проблеме российской идентичности и источников ее формирования. Одним из них безусловно являются европейские ценности, основанные на принципах уважения прав и свобод человека.

Несмотря на общие ценности и интересы, современные государства Европы сохраняют политическое и культурное своеобразие, стараясь не терять национальных корней. Это в полной мере относится и к России, которую многие исследователи считают «мостом» между двумя цивилизациями – европейской и азиатской. Причем речь идет не только о географическом положении России в Евразии, но и о ее культурно-исторической составляющей. Так, древнерусское государство формировалось во взаимодействии (взаимодействие подразумевало как сотрудничество, так и борьбу) с многочисленными кочевыми племенами Азии и одновременно входило в Европу через династические браки и торговые связи. В России не было Реформации и Просвещения в классической форме, т.е. тех общественных движений, на которых зиждется западноевропейская цивилизация. Тем не менее в Новое время Россия двигалась по тому же пути, по которому развивались многие европейские государства. Это происходило в том числе благодаря использованию и переосмыслению европейского технологического и образовательного опыта, приглашению иностранных специалистов в Россию, отправке молодых людей на учебу за границу.

Непростой процесс взаимодействия России и Европы часто отягощался политическими, религиозными и культурными противоречиями, которые в свою очередь были обусловлены особенностями их внутреннего развития. С окончанием холодной войны между Россией и Западом исчезло идеологическое противостояние, что по-прежнему вызывает необходимость выработки новой парадигмы отношений, которая, с одной стороны, основывалась бы

на общности культуры, цивилизации и христианской религии, а с другой – учитывала бы различия и изменения, происходящие в последние годы в России и Европе.

В этом смысле большая роль принадлежит гражданскому обществу, людям науки, людям образования, людям культуры. Опыт последних лет показал, что, несмотря на имеющиеся трудности, ни наука, ни искусство, ни образование фактически не попали под действие санкций, поскольку эти сферы интернациональны по своей сути и составляют основу общих ценностей. На мой взгляд, главная задача деятелей науки и культуры в целом и историков в частности состоит в том, чтобы развивать культуру диалога, вносить свой вклад в осознание того, что мы – часть одного мира. Именно это и попытались сделать авторы публикуемых статей – показать на широком историческом материале опыт сосуществования России и европейских государств в различных сферах общественной жизни, свидетельствующий о готовности сторон слышать и понимать друг друга.

Сборник состоит из нескольких тематических разделов. В первом разделе «Россия и Европа: вехи совместной истории» представлен общий взгляд на взаимоотношения России и Запада, которые анализируются не только в историческом, но и философском контексте.

Раздел «Конфликты – конкуренция – союзы в международных отношениях» посвящен истории дипломатии. В нем рассматриваются такие проблемы, как функционирование системы международных отношений и общеевропейский баланс сил, эволюция внешнеполитических ведомств и формирование профессионального языка в сфере международных отношений, дипломатические практики и способы политической коммуникации.

Раздел «Россия в европейских дискурсах и Европа в российских дискурсах XVIII–XX вв.» ставит проблему формирования российской идентичности в контексте отношений с Европой – главным образом через исследование образа «другого».

Раздел «Россия и Европа: пространство образования, науки и культуры» посвящен среди прочего взаимным влияниям в литературе, историографии и преподавании истории.

Рабочими языками конференции были русский и английский, поэтому статьи публикуются на языке оригинала.

Материалы статей данного сборника могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях и в преподавании.

*А.О. Чубарьян,
академик РАН, научный руководитель
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

В.К. Кантор

Русский европеец как феномен противостояния Европе. (Пушкин)

Ключевые слова: Россия, Европа, поэзия, культура, мысль, достоинство.

На материале творчества Пушкина автор показывает возникновение русского европеизма, описывает как это понятие обрело жизнь в русской культуре, как в творчестве Пушкина поднимались важнейшие темы европейской мысли, получавшие решение на русский манер. Это решение служило Европе в ее высших проявлениях. Автор также подчеркивает, что защита Россией Европы от завоеваний степняков, от власти диктаторов (типа Наполеона) редко получала признательность европейских публицистов. Пушкин внес в русскую культуру главное, что превращало русских людей в русских европейцев – чувство личного достоинства.

V. K. Kantor

Russian European as a phenomenon of Europe confrontation (Pushkin)

Keywords: Russia, Europe, poetry, culture, thought, dignity

The author uses the literary heritage of Alexander Pushkin to show the birth of the Russian Europeanism, describes how this notion was evolving in the Russian culture, how Pushkin raised the main themes of the European thought interpreted in the Russian way. The author stresses that the Russian defense of Europe from the steppe invaders, from the dictators (e.g., Napoleon) was rarely acclaimed by European thinkers. Pushkin introduced the notion of personal dignity to the Russian culture transforming Russians into Russian Europeans.

«Взглянул на мир я взором ясным»

Столько слов, сколько сказано в России о Пушкине, наверно не сказано ни о ком. Ни о ком больше в России не говорилось так захлеб и с восторженностью, доходящей постепенно до банальности: «наше всё» (А. Григорьев), «России первая любовь» (Тютчев), «русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» (Гоголь), «явление пророческое, тайна, которую мы до сих пор разгадываем» (Достоевский), «Пушкин – золотое сечение русской литературы» (Терц-Синявский). Правда, на Западе *русскими по духу* называются по преимуществу Толстой и Достоевский, они – предмет подражаний и исследований. Более того, по наблюдению весьма умных русских людей, для европейцев, *ищущих почвенности и экзотики*, Пушкин *недостаточно русский*. Да и сам о себе поэт говорил:

«Бывало, что ни напишу, // Все для иных не Русью пахнет» («Дельвигу», 1821). Так что людей с Запада можно понять. Сошлюсь на наблюдение прожившего в Германии большую часть жизни выдающегося отечественного мыслителя: «Разговаривая с иностранцами, прежде всего с немцами, знающими русский язык и читавшими Пушкина, я часто встречался с мнением, что он, конечно, величайший поэт, но что в нем мало типично русского. Это глубоко неверное и русскому человеку непостижимое суждение объясняется тем, что в Германии за подлинную Россию считают прежде всего Россию Толстого и Достоевского»¹.

Почему так? Впрочем, понятно. От России ждут тайны, загадки, всех пленяют тютчевские строки, что «умом России не понять», что «нет в творении творца и смысла нет в мольбе». Так и должны рассуждать дикари, *не-европейцы*, это должно быть то место, где можно отдохнуть от рации и послушать затейливую мифологическую историю – вроде тех, что рассказывались в Обломовке маленькому Илюше про Ивана-дурака, который живет без труда и без труда же преобразует окружающий мир «по щучьему велению, по своему хотенью». Не случайно, по словам Хомякова, именно «русским можно лучше других народов Европы понять переход саг (сказаний) в мифы. Мы еще недавно вышли из эпохи легковерной простоты и затейливой сказочности»². А европейские почвенники видят в России пример того, как можно избежать вестернизации. По мнению западных романтиков, «русские, и Толстой, и Чехов, и Тургенев, и тот же Достоевский, – буддийские «нигилисты», они хотят от личности самоотречения, они любят нирвану, они опасны своей волей к небытию, своим восторгом перед безличием и бессознательностью первозданной природы. И вопрекор этим представлениям – страстная, очень личная, почти декартовская фраза Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Таким не умилишься – он равноправен, он чувствует и думает как Шекспир, Данте, Гете!

Любовь к слабому рассудком члену рода человеческого, быть может, умилительна. Но, быть может, и оскорбительна. Но уж, конечно, она неприменима к ясному Пушкину, который не раз заявлял, что «*на поприще ума нельзя нам отступить*»³, который по-гамлетовски говорил о себе: «Мой ум упорствует, надежду презирает...// Ничтожество меня за гробом ожидает...// Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! // Мне страшно...» («Надежой сладостной...», 1823), который по сути дела объявил себя пророком, которому *внятно всё*:

¹ *Степун Федор*. Духовный облик Пушкина // *Степун Федор Федор*. Встречи. М., 1998. С. 11.

² *Хомяков А.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 131.

³ «Послание цензору» (1822). Курсив во всех цитатах из Пушкина, за исключением особо оговоренных случаев, мой. – *В.К.*

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Более того, утверждал, что может изложить свое понимание мира ясно и четко:

И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

Итак, Запад не желает принять Пушкина за то, что он *европеец*, что он с Западом – на равных, что «равным был неравный спор». Легче принять нечто чудесное. Как Россия искала на Западе «страну святых чудес», так точно Запад продобные чудеса нравственной и социальной гармонии, подлинной общности или чистого христианства (скажем, Гакстгаузен или Рильке) думал найти в России. Пушкин этим упованиям не отвечал. Слишком он был реалист.

Как же он оказался центром и истоком великой русской литературы – этот «нерусский поэт»? Но вдумаемся в этот парадокс: ведь самое поразительное, что последующая русская литература тоже искала в Пушкине какой-то тайны, изменяя на каждом шагу его заветам. Ее удивляло, как можно хранить ясность, при этом *выразив народный идеал*, – нечто, чему рационального определения не мог дать ни один почвенник. Ведь не считать же национальным идеалом христианство, если говорить всерьез, ибо обращено оно ко всем землям и всем народам. Конечно, если православие – религия почти племенная (как иронизировал Чаадаев), то нельзя ли Пушкина сделать таинственным племенным божком, которого потому Запад не чувствует, что *он* – «истинно русский», «истинно православный»? Уже в эмиграции было замечено, что «в наши дни родилось стремление соединить и сблизить Пушкина с православием. Операция проходит почти безболезненно, поскольку над Пушкиным, по уклончивости его, удаются вообще всякие упражнения»⁴. Но для этого необходим был откат от Пушкина, *превращение поэта в кумира*, что означало отречение от сути им содеянного, ибо вело к идолопоклонству, отринутому еще Библией. И закономерно приводило к отказу от реального Пушкина, продолжателя духовного роста России, начатого Петровским деянием. До Октябрьской революции заметил это, пожалуй, один Мережковский: «В сущности, Пушкин есть доньне единственный ответ, достойный великого вопроса

⁴ *Адамович Г.* Верность России // *Современные записки.* Париж, 1934. Кн. 55. С. 332.

об участии русского народа в мировой культуре, который задан был Петром. Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию. Возвращаясь к первобытной, христианской и народной стихии, особенно в своих крайних и односторонних проявлениях – в презрении к науке у Льва Толстого, в презрении к «гнилому Западу» у Достоевского, вся последующая русская литература есть как бы измена тому началу мировой культуры, которое было завещано двумя одинокими и непонятыми русскими героями – Петром и Пушкиным»⁵.

Русские писатели понимали Пушкина как недостижимый идеал, но не желая принять его ясно выраженную позицию, объявляли его явление тайной и чудом. Пушкин не был признан при жизни. Свидетельств тому много. Но и после смерти задача была одна – не следовать за мыслями гения, а пытаться приспособить их к своему антиевропейскому (*и в этом смысле очень Западу выгодному*) миропониманию. Не будем говорить о поиске «народных идеалов» у Пушкина Достоевским (великий писатель противоречив, и часто восхваляет то, что только что проклинал, – петровскую реформу, пушкинский европеизм), посмотрим там, где выговорена эта аксиома простодушно и ясно: «Пушкин проникся всем духом просвещения европейского и вступил в борьбу с ним. Он понял, осмысленно воспринял все, что было в Европе великого, но не подчинился ничему. Он перевоплощался в европейца, по выражению Достоевского, но с тем, чтобы снова выйти из этого «перевоплощения» самим собой. Он противопоставил мирозерцание народное, воплощенное в созданиях дивной красоты, мирозерцанию европейскому, тогдашнему байроновскому нигилизму, из которого и пошло все дальнейшее в Европе. ... Он угадал, что сущность европейского мирозерцания заключается в разорванности личности с действительностью – и в своих народных началах нашел почву для примирения»⁶.

Да-да, в этом и заключается его тайна для наших националистов – ведь не мог *европеец* стать подлинно величайшим русским писателем. Этого же не хотят признать и ненавистники России, что такая дикая страна могла породить абсолютного европейца, не подражающего, а равного высшим проявлениям европейского духа. Услышим ли тоскливый вздох Вейдле?...: «Европа восхищается воспринятой на азиатский лад, искусственно-экзотической Россией, но в Пушкине не узнает себя; если же узнает, то узнанного не ценит: ей хочется чего-нибудь поострее, поизломанней... А Россия, знает ли она еще, что Пушкин не только Пушкина ей дал, но и Данте, и Шекспира, и Гёте, а потому – и Гоголя, и Толстого, и Достоевского»⁷.

⁵ Мережковский. Д.С. Пушкин // Мережковский Д.С. Вечные спутники. М., 1911. С. 338–339.

⁶ Говоруха Отрок Ю.Н. <Отзыв на романы Г.Фирсова> // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 115.

⁷ Вейдле В. Пушкин и Европа // Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк. 1956. С. 168.

Да мало того, что европеец! Еще и Негр! Да к тому же – эфиоп. Какая пожива для ксенофобов. Сейчас уже не решаются об этом, а ведь Булгарин публично, печатно старался оскорбить Пушкина, назвав его мать «мулаткой» (по Л.Н. Гумилеву – «химерой», бесплодной и уничтожающей ту культуру, в которой появилась), а про прадеда сообщив, что тот был какой-то негритенок, купленный шкипером за бутылку рома. И гордясь своим шестисотлетним дворянством (по отцу), Пушкин никогда не отказывался от себя и от своего *арапского* происхождения («Мой арапский профиль!»)⁸. Потому и от Родины не отказывался и мог в своем последнем письме Чаадаеву (от 19 октября 1836 г.) написать: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме *истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал*» (10, 310). Но именно потомок арапа Ибрагима, поэт Пушкин сказал о себе и о принявшей его предка родине то, что является разгадкой России. Слишком *по-европейски верил он в силу мысли*⁹, которая объясняла ему мир и вела к творчеству:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись.

⁸ 24 ноября 1831 г. он писал А.Х. Бенкендорфу: «Около года назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин во дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его – *мулатка*, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо *среди русских литераторов один я имею имею в числе своих предков негра*. Ввиду того что упомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, ... я счел своим долгом ответить анонимному сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто. ... Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшемся мне от них» (*Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1962. Т. 10. С. 79–80* (В дальнейшем все ссылки на это издание даны в тексте – том и страница).

⁹ «Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль?» (6, 403).

И этот мир, постигнутый разумом, он изобразил по возможности ясно, и наша задача увидеть это изображенное в той же реальной перспективе, в какой писал его поэт – без мистики и суеверного иррационализма.

История Пушкина в контексте истории России

В «Романе в письмах» пушкинский герой заметил, что «семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа». В этом смысле жизнь поэта, его стихи и проза стали по сути национальной автобиографией, ибо его семейственные связи есть не просто факт русской истории, а *формула ее развития*. В этом качестве и должно нами восприниматься его творчество, которое есть его автобиография.

Что же самое важное для нас в *истории Пушкина*? То, что он поэт, и то, как он стал поэтом. *Таким* поэтом. Национальной гордостью. Начнем с того, что вдохновительницей поэта, образовавшей его музу, да просто его музой была славянофилами назначена его няня (от И. Аксакова до В. Непомнящего). Это мнение и в школьных учебниках закрепилось. Приведем первоисточник, то есть Аксакова: «От отрочества до самой могилы этот блистательный прославленный поэт, ревностный посетитель гусарских пиров и великосветских гостиных, «наш Байрон» притом, как любили его называть многие, не стыдился всенародно, в чудных стихах, исповедывать свою нежную привязанность – не к матери (это было бы еще не странно, так и многие поэты делали), а к «мамушке», к «няне», и с глубокой искренней благодарностью величать в ней первоначальную свою музу... Так вот кто первая вдохновительница, первая муза этого великого художника и первого истинно русского поэта, это – няня, это простая русская деревенская ба а ба!...»¹⁰

Задумаемся, однако, что подобные же деревенские бабы, сидевшие у тысяч барчат в допетровской, да и послепетровской Руси, хоть та же нянюшка фонвизинского Недоросля, обожавшая свое «дитятко», не вложили им в душу и миллионной доли – не таланта, нет, на это никто не способен, кроме Бога, но пушкинской глубины, широты, всеотзывчивости, не научили их даже толком говорить и писать по-русски. Сами были неграмотны. Фальшивым образом Аксаков относит стихи «Наперсница волшебной старины...» (1822) об учившей поэта старушке-музе к Арине Родионовне, которую поэт и впрямь любил, но музой не называл никогда. И названные стихи обращены к его бабушке – Марии Алексеевне Ганнибал, которая, по словам биографа (П.В. Анненкова), «была женщина замечательная, столько же по приключениям своей жизни, сколько по здравому по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина в русском языке. Барон Дельвиг

¹⁰ Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине // Аксаков И.С. И слово правды... Уфа. 1986. С. 208.

еще в лицее приходил в восторг от ее письменного слога, от ее сильной, простой русской речи»¹¹.

А няню, няню он любил, и сказки ее слушал. Но уже в Михайловском – зрелым поэтом, когда европейское образование научило его значению и важности народной поэзии, *фольклора* (от европейских романтиков). О музее его мы скажем дальше. Но свою духовную биографию поэт вел все же не от няни и тем более не от Пугачева. Только сэр Вальтер Скотт мог изобразить разбойника Роб Роя, но никто из его сподвижников даже и подумать о таком не мог. Только дворянский поэт Пушкин смог изобразить Россию от Петра до Пугачева. А няне... Что ж, няне он писал, писал с любовью, усмехаясь на свое одиночество, на лишение дружеского и понимающего круга людей своего уровня, отнюдь не предпочитая ее общество лицейским друзьям или обществу Чаадаева, Жуковского или Вяземского:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности мое.

Не от хорошей жизни, как мы знаем, написаны эти строки. И это ясно из продолжения строфы. Чтение стихов няне находится во вполне ироническом контексте, в определенном ряду. Продолжим знаменитую строфу:

Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

Если не от няни и не от народа, то кто образователь поэта? Как мог потомок негра, с точки зрения *любого шовиниста* чужой русскому народу во всех смыслах – и из образованных классов, и просто иной даже не нации, а расы – выразить дух и смысл России? Пушкин – показатель петровской удачи по привитию европейской культуры, которая была проведена вполне разумно, несмотря на охи славянофилов: «Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кро-

¹¹ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., 1984. С. 41.

вью поливались, спешно, без критики, выписанные из-за границы семена цивилизации. Все, что только носило на себе печать народности, было предано осмеянию, гонению; одежда, обычай, нравы, самый язык, – все было искажено, изуродовано, изувечено»¹². Вглядимся в судьбу пушкинского прадеда, как понимал ее сам Пушкин, оценивая в ряду проводимых Преобразователем реформ как выражение того же *духа и принципа*. Пушкин прекрасно понимал, что Петр *вкоренял* своего получившего образование во Франции крестника-негра, *пришлого и чужого* в этой стране, в русские боярские роды, прививал его к русскому стволу, как европейскую культуру, европейскую науку, европейский тип жизнеповедения – России. Результат этой прививки – величайший русский поэт, не тайна, а *разгадка России*.

Вот какие слова Пушкин вкладывал в уста своего главного героя – Петра в первой своей повести «Арап Петра Великого»: «Послушай, Ибрагим, ты человек одинокий, без роду и племени, чужой для всех, кроме одного меня. Умри я сегодня, завтра что с тобою будет, бедный мой арап? Надобно тебе пристроиться, пока есть еще время; найти опору в новых связях, *вступить в союз с русским боярством*» (5, 36).

Цветаева назвала это сообщничество европейски образованного негра, обжившегося в Париже, и великого царя – «заговором равных», пересмысливая бабёфовский заговор социалистов. Не каждому, увы, дано понять *петровский заговор*, направленный на духовное возвышение и преобразование страны. А говоря о судьбе Петровского наследия, нельзя забывать самое главное, что оставил Преображенец идущей, грядущей России – это новый взгляд на положение России в мире *как страны, способной к самотворчеству европейской культуры*. В этом смысле Пушкин – прямой наследник дела Петра, довершивший в духе то, что Петр мастерил государственным строительством. Опять же Цветаева:

Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – *ты*

Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд – коим поныне светла...
Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра.

2 июля 1931 (*Петр и Пушкин*)

¹² Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине // Аксаков И.С. Указ. соч. С. 203.

Почему же сегодня не только разлучают Петра с Пушкиным (я не об оголтелых националистах, а об интеллектуале, переводчике почвенника Хайдеггера), а прямо противопоставляют их: «Пушкина отпугивал Петр и по другим причинам»¹³?.. Итак, Пушкина Петр отпугивал... Не говоря уж о прямой неправде этих слов, ибо все художественное творчество поэта есть апофеоз петровского деяния, это противопоставление претендует найти иной – не Петровско-Пушкинский – «закон русской истории». И дело оказывается в том, что Петр поспешил, нарушил эволюционный ритм русской истории... «Медленная реформа и реформация при Алексее – Феодоре – Софии – Голицыне была сорвана Петром. Расслоение между человеческим порядком и божественной правдой, позволившее бы учредить на человеческом уровне школу приготовления к встрече с другой, божественной правдой, не получилось. Победила революция»¹⁴. Действительно, Пушкин называл Петра *«революционной головой»*, но с восхищением¹⁵.

Очевидно, стоит задуматься то ли деяние мы по привычке называем революцией, какое имел в виду поэт. Для него революционер – это творец. Родину можно любить и без мысли, без головы, – тупо-патриотически, казенно. Умный человек, видя грязь и грубость, может Россию отрицать и ненавидеть (В.С. Печерин: «Как сладостно отчизну ненавидеть // И жадно ждать ее уничтоженья»), но любить ее умный человек может, лишь будучи творцом, ибо желает не уничтожить, а сотворить Россию. В этом контексте петровские преобразования можно назвать революцией, зато контрреформы Николая Первого контрреволюцией; великие реформы Александра Второго – революцией, а опрокинувший и смывший их результаты с лица России Октябрьский переворот – контрреволюцией и т.п.

В.А. Жуковский 26 декабря в 1826 г. в письме П.А. Вяземскому высказывает замечательную мысль: «Нет ничего выше, как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: «Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников!»¹⁶. Иными словами, продолжить цивилизацию России – дать как Господь именованное окружающему миру и тем культивировать его. Ибо имя – первый шаг к самопознанию и самосознанию.

¹³ Бибихин В.В. Закон русской истории // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 116.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ «Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык», ибо «всё должно творить в этой России и в этом русском языке» (7, 347).

¹⁶ Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1983. С. 368.

«Петр Великий ... один есть целая всемирная история»

И одно из основных наименований Пушкин дал Петру, обозначив его в своем знаменитом письме Чаадаеву как «целую всемирную историю» («un histoire universelle!»). Что это значит? Не пустая же фраза, не для риторики в столь серьезном рассуждении были брошены эти слова. В каком-то смысле они перекликаются с рассуждением Чаадаева, что Петр дал нам историю Западной Европы за нашу историю. Но только перекликаются. Деяние Петра, по соображению Пушкина, гораздо значительнее.

Каков же был всемирно-исторический смысл петровских преобразований? Начнем с всем известных частных, идущих еще от историков XVI–II столетия. Вот, к примеру, дед Чаадаева Михаил Щербатов: «Петр Великий, подражая чужестранным народам, не токмо тщался ввести познания наук, искусств и ремесл, военное порядочное устройство, торговлю и приличнейшие узаконения в свое государство, также старался ввести и таковую людскость. ... Среди нужных установлений законодательства, учреждения войск и артиллерии, не меньше он прилагал намерения являющиеся ему грубые, древние нравы смягчить»¹⁷.

Итак, гуманизировать и цивилизовать культуру. Задача величайшая. Но есть ли это деяние *всемирной* истории? Такого рода государей, прилагавших усилия к введению своих народов в круг цивилизованных наций немало. Чтут их за это справедливо. Это, как правило, национальные, почти мифологические культурные герои, очищающие землю от чудовищ (от Геракла до Гайаваты). И споров по их поводу практически не возникает.

Что Петр застал? Конечно, «вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве», – писал Карамзин, замечая почти как нынешние почвенники с удовольствием, что «сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия». Правда, историческая честность заставляет его добавить: «Мы заимствовали, но как бы *н е х о т я*»¹⁸. Но в результате отставания от Европы возникла полная неуспешность России как внешнеполитическая, так и внутри страны. И задача государственных правителей начала 80-х годов XVII в. заключалась в том, чтобы попросту не быть убитыми собственным народом.

Бунты сотрясали столицу, цари постоянно бегали из нее. Вместо правления и реформ царил в стране Хаос. Сотворить из Хаоса Космос – бы-

¹⁷ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1983. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 31. Разрядка Карамзина.

ла задача преобразователя. Вот как описывает Пушкин состояние России до Петра – из преамбулы к «Истории Петра I»: «Законы, более обычаи, нежели законы, – неопределенны, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые etc» (8, 8). Уже при Софье опора российской власти была не на российские войска, которые стали главной опасностью, а прежде всего на иностранцев – в целях самозащиты. Скажем, в бунт 1685 г. царевна «думала употребить противу стрельцов поселенный в особой слободе (при царе Алексее Михайловиче) иностранный полк» (8, 27).

Пушкин говорил, что русские государи не раз задумывались о сближении России с Европой, однако осуществить это сумел только Петр. Чтобы ни говорили сторонники якобы возможной медленной эволюции Московского царства, несложно сообразить, что при черепашьем ходе Россия выпала бы из истории навсегда. Не говоря уж о том, что была бы давно расчленена хищными соседями. Петр успел вскочить в набирающий скорость европейский состав буквально в последний момент. Маленьким странам еще было дано войти в европейскую систему цивилизации, но такая махина как Россия навсегда бы осталась лишь географическим пространством. Не будь Петра, не имели бы мы сейчас ни Пушкина, ни Достоевского, ни Тургенева, ни Чехова, ни Павлова, ни Вернадского, ни Менделеева, ни Бутлерова, ни русской музыки, ни русской живописи, ни русской философии, ни русской истории (я имею в виду историческую науку – Петр первым озаботился созданием истории своей страны!). Кстати, Ключевский соглашается с хронологическим подсчетом и расчетом князя Щербатова, что медлить с преобразованием было нельзя, что «без самовластия Петра Великого ... Россия даже до того далеко еще не совершенного состояния, в каком она находилась к исходу XVIII в., достигла бы только через сто лет, к 1892 г., да и то при условии, если бы в течение этого долгого промежутка времени не случилось никакого помешательства, ни внутреннего, ни внешнего»¹⁹. Петровское преобразование страны имеет в русской истории только один столь же значительный прецедент.

Здесь существенно уловить переключку его деяния с деянием Владимира Святого. Начну с наблюдения Пушкина: «За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь, отдаляя их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных за море, надели траур (синее платье) (*Фамильное предание*)» (8, 12; курсив Пушкина). А теперь обратимся к «Повести временных лет», где летописец, рассказав о Крещении в Днепре, сообщает о дальнейшем велении князя Владимира и реакции народа: «Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо

¹⁹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. IV: Курс русской истории. С. 191.

не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых»²⁰. Сближение отнюдь не произвольное. Внятное любому здравомыслящему человеку, оно говорит о вторичной попытке просвещения и христианизации России, после того как в результате татарского нашествия лишь с трудом были сохранены «бледные искры византийской образованности» (Пушкин).

Это сопоставление двух великих преобразователей России ощущали их современники. Говоря о петровской эпохе, Лотман замечает, что «создание секуляризованной культуры самими ее создателями осмыслялось в традиционных формах как новое крещение Руси. Так, например, в трагикомедии «Владимир» будущий сподвижник Петра и автор «Духовного регламента» Феофан Прокопович изобразил царя-реформатора под прозрачной маской Владимира Святого, а его противников, сторонников традиционного православия, представил корыстными и невежественными языческими жрецами. В этой связи следует отметить, что слова «просветитель» и «просвещение», будучи кальками европейских «*clair*» и «*lumière*», одновременно совпадали с церковнославянскими омонимами, имевшими традиционно христианское значение апостольской деятельности по просвещению (крещению) язычников»²¹.

Но я бы все же не говорил об этом сопоставлении лишь как условной параллели и не называл бы Петра просто создателем «секуляризованной культуры». Его позиция была *более углубленной и сознательной попыткой христианизации России*, даже чем у Первозкрестителя. По словам В.С. Соловьева, «по самой идее христианства, как религии *Бого-человеческой*, христианское царство должно состоять из свободных человеческих лиц. ... Сближение с Европой, которым мы обязаны Петру Великому, принципиальную свою важность имеет именно в этом: чрез европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а следовательно, невозможно и христианское царство»²² (курсив В.С. Соловьева – *В.К.*). На это не раз возражали противники реформ Преобразователя, постоянно поминающие о его необузданности, суровости и т.п., о том, что в народе Петра именовали антихристом. Но вообще-то апелляция к личным качествам исторического деятеля не всегда правомерна. Не забудем, каков был в своей жестокости и необузданном женолюбии Владимир Красное Солнышко, что не помешало ему совершить свой религиозно-исторический подвиг. По справедливому наблю-

²⁰ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 133.

²¹ Лотман Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 127.

²² Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 578.

дению исследовательницы, «образ Петра-антихриста существовал в культуре как логичная оппозиция Петру-богу. Фигура царя устойчиво пребывала в диапазоне сакральности, вне зависимости от того, в какую сторону отклоняло ее народное восприятие»²³.

Неслучайно в отечественной историографии проводилась более значительная (во всемирно-историческом плане) параллель, нежели с Владимиром Святым. Например, И.И. Голиков, труд которого (18 томов) «Деяния Петра Великого» (1788) в основном штудировал и конспектировал Пушкин, в 1810 г. выпустил в жанре сравнительных жизнеописаний двухтомник «Сравнение свойств и дел Константина Великого со свойствами и делами Петра Великого» (М., 1810). Иными словами, речь опять идет о Крестителе, но Крестителе Римской империи, т.е. самой цивилизованной на тот момент части человечества, утвердившем христианство как обязательную религию по всей римской ойкумене. Что дало в конечном счете шанс на медленное преобразование и гуманизацию захвативших Рим варваров в христиански просвещенных европейцев. Кстати, именно с Константином сравнивали и Владимира первые русские летописцы.

Россия в Западной Европе не воспринималась как христианская страна, ее долго и упорно не включали в *Corpus christianum* Европы. Петр словно заново христианизировал страну, выведя ее из дохристианского летоисчисления в христианскую эру. Поступок, равный мировому преображению. Любопытно, что, судя по летописи, и князь Владимир думал ввести свой народ благодаря крещению в сообщество стран христианских, т.е. европейских: «Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя истинного Бога, *как познали тебя христианские страны*»²⁴ (курсив мой – В.К.), иными словами – европейские страны, с которыми Русь смогла найти отныне духовный, экономический и династический контакт. Т.е. то общее, что и самую Русь делало современницей и частью европейского цивилизационного пространства. Века отторжения от Европы одним взмахом преодолел Петр. По летоисчислению, которым пользовалась Московская Русь (от сотворения мира), она была такой Старой Русью, что уже могла только умереть. С реформами Петра Старая Русь стала «Россией молодой» (а ее обитатели опять, как при Владимире, «новыми людьми»).

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

²³ *Артемьева Т.В.* Идея истории в России XVIII века. СПб., 1998. С. 36.

²⁴ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. С. 133.

Петр наперекор римскому императору Константину (вынужденному под давлением варваров отказаться от этой идеи, уйти *на Восток* своей державы, воздвигшему новую римскую столицу ближе к Азии, в Византии) переносит столицу Российской державы, уже понимаемой им как империя, *на Запад, центрируя сызнова Европу*, связывая восток и запад в новое единство. Ибо Петербург – Запад России, но не запад *всей* Европы. Тем самым он создает город святого Петра как центр Европы, отныне не Западную Европу, а Россию делая подлинной наследницей Первого Рима. Отсюда, кстати, римская всепримлемость у Пушкина – идей, образов, богов, но центрированная христианством.

Поразительно, но именно славянофилы, постоянно твердившие о «Святой Руси», после реформ Петра отвергли московское представление о России как Третьем Риме. Для них эта идея не работала. Для славянофилов Рим – это Западная Европа, которая получила в наследство от христианизированной античности просвещение, цивилизацию, законы, право. Для исторического чутья Пушкина Рим – это Россия. Можно даже сказать, что неожиданно именно Петр, ставший императором и построивший Петербург, осуществил мечту старца Филофея. Россия, как и Рим, вынуждена окультуривать девственные окраинные пространства, втягивая и цивилизуя недавние дикие народы, которые воспримут русскую культуру, как варвары восприняли римскую («и финн, и ныне дикий // тунгус, и друг степей калмык»). Бунт Пугачева («внутренней Степи», по С.М. Соловьеву) развернулся в Оренбургских *степях*, возглавленный вполне кочевой еще казачьей вольницей, поддержанный неокультуренными, не цивилизованными еще племенами, среди башкир и калмыков («башкирец с возмутительными листьями» Пугачева и казаки, предающие капитана Миронова, идущие на приступ крепости «с страшным визгом» – кочевники! – убивающие «крещеного калмыка Юлая» – т.е. человека уже прикоснувшегося к цивилизации).

Пушкин и Европа: pro et contra

Себя Пушкин сравнивал с Овидием, сосланным из Рима в Молдавию, где «хладной Скифии свирепые сыны // За Истром утаясь, добычи ожидают». Овидий страдает: «И век мне не видать тебя, великий Рим». Сосланный из Петербурга в Молдавию Пушкин вторит ему: «Не славой – участью я равен был тебе». Значит, Петербург можно отождествить с Римом. В Кишиневе поэт вступил в масонскую ложу под названием «Овидий». Быть может, увлекло поэтическое имя. Эпиграф к одной из глав «Онегина» – игра со словом Горация: «O Rus! (O, деревня!) O Русь!» О римских реминисценциях в творчестве Пушкина надо говорить особо. В 1833–35 гг. он пишет «Повесть из римской жизни», где рассуждает о судьбе Горация. Его «Памятник» был законным продолжением Горация – певца Рима²⁵. И необходимость европейской школы для

²⁵ Заметим в сноске, что свой «Памятник» в подражание Горацию – скорее даже,

России нисколько не умаляла для Пушкина ее национальное величие. Рим также учился у Греции, как Россия у Европы. Пушкин был историк. Видел, что за полисной Грецией (при Пушкине это разбитая на многие мелкие – по сравнению с Россией – государства Европа) приходит имперский Рим. Имперский, а стало быть, ненационалистический. Воспринимающий Европу (Грецию) как свою учительницу на протяжении всех веков своего существования. Европа, в свою очередь, училась у Рима, но в современной истории, разбитая на ряд небольших по сравнению с Россией государств, она для русских играет роль Греции. Характерно, кстати, что Жуковский переводил «Одиссею» на русский не с греческого, а с немецкого. Все мудрецы и поэты классической Ойкумены сошлись когда-то в Риме, а теперь, как видел юный лицеист Пушкин в царскосельской Камероновой галерее, сходятся в России.

Надо сказать, Пушкин ненавидел людей, *вещающих* от лица народа («О чем шумите вы, народные витии!»). И тех, что отлучали Россию от Европы, – «клеветников России». Для него очевидно, что это враги России – внешние, как поляки и французы, потерпевшие от России поражение, а потому пытавшиеся ее представить врагом европейской цивилизации²⁶, и внутренние – не верившие, что Россия способна, усвоив европейские уроки, остаться сама собой. Европейец Пушкин перенести это не мог. Ибо был наследником Петра, цивилизовавшего огромные пространства России. И видел в России новую опору Европы, поэтому и с горечью писал о неблагодарности европейцев:

И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

полуперевод, переложение – писали до Пушкина поэты наиболее чувствовавшие свою пробудившуюся личность, свою особенность и свою собственную связь с Россией как европейской державой – Ломоносов, Державин. После Пушкина – это проверка на ощущение своей державно-внегосударственной («Вознесся выше он главою непокорной // Александрийского столпа») и национальной значимости – понять себя без санкции властей предрежащих. В наши дни на это осмелился только Высоцкий.

²⁶ См. об этом замечательное исследование: *Шайтанов И. О.* Географические трудности русской истории (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности) // Вопросы литературы. 1995. Вып. VI.

Интересно, как общепризнанный западник Чаадаев отреагировал на так называемые патриотические стихотворения Пушкина «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». Отклик вроде бы неожиданный, но Чаадаев хотел, чтобы Россия стала не только пространством, но и мыслью. Эту мысль и рождает Пушкин: «Я только что прочел ваши два стихотворения. Друг мой, никогда еще вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание. Не могу достаточно выразить свое удовлетворение. Мы побеседуем об этом в другой раз, обстоятельно. Не знаю, хорошо ли вы понимаете меня. Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране. Да, друг мой, пишите историю Петра Великого»²⁷.

В письме Чаадаеву от 19 октября 1836 г. есть фраза: «Думаете ли вы, что он (будущий историк – В.К.) поставит нас вне Европы?» (10, 310) Он не принимает и чаадаевскую позицию как человека, не видящего европейской сущности России. Если Чаадаев говорил, что Петр дал нам западную историю за нашу историю, то Пушкин видел своеобразную русскую историю, саму по себе, хотя *как часть европейской*, в тесной связи с нею: «Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. ... Нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» (10, 309). Тема эта бесконечно волновала его.

В незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» он видит причину этой беды в долгом отрыве от Европы, но все равно замечает, что «образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...» (6, 408). Но Россия не погибла, «не издохла». И, стало быть, возвращаясь в Европу, Россия получает свою законную долю наследства. Возвращается по праву. Подвиг этого возврата совершил Петр. Хотя и до него, «и в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. ... Наконец, явился Петр. ... Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» (6, 408–409). Величие державы он связывал с развитием просвещения. Без просвещения оно, по мысли Пушкина, невозможно. Тогда это величие варваров, тамерланов и батыев, кочующих народов, которые не имеют ни дворянства, ни истории. Вернув Россию в Европу, Петр вернул ее в историю, ибо само понятие истории есть завоевание европейской цивилизации. Для Пушкина именно те, кто не хотят величия России, становятся врагами Петра. Он лаконично выразил это одной фразой, объединив и внутренних, и внешних врагов (Мазепу, бунт,

²⁷ Чаадаев – Пушкину 18 сентября 1831 г. Москва // Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 285.

шведского короля Карла и т.п.): «Враги России и Петра». «Народные витии» и внутри страны и вовне оказались врагами Петра.

Именно Петербург стал «камнем преткновения» (прошу прощения за случайный каламбур) в рассуждениях и спорах о возможной судьбе России. Интересно, что тот город, который после Октябрьской катастрофы стал символом европейской России, воспринимался тогда как символ азиатской деспотии. Еще до славянофилов, видевших явное внедрение посредством города европеизма в Россию, до Герцена, Бакунина, Достоевского и большевиков, ненавидевших этот *город*, по поводу судьбы Петербурга столкнулись два великих поэта – Мицкевич и Пушкин. Мицкевич отказывал Петербургу в праве называться европейским городом и твореньем человеческих рук, цивилизующих окружающую природу. В своем сочинении «Дзяды. Отрывок III части» (цикл стихотворений), созданном в 1832 г. (после поражения польского восстания) и полном ненависти к России – с желанием вывести ее за пределы европейской культуры, он написал:

У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

Весь «Медный всадник» – ответ Мицкевичу и своя трактовка петербургской судьбы. Пушкин объясняется в любви к городу: «Люблю тебя, Петра творенье!» Город – «Петра творенье», как и вся новая русская культура, как и сам Пушкин. Но, быть может, Петр и есть сатана. Так по крайней мере говорили сторонники московских обычаев. Для Пушкина давно решено, что Петр – *выражение Божьих помыслов о России*.

Вслушаемся:

Тогда-то *свыше вдохновенный*
Раздался звучны глас Петра:
«За дело, *с Богом!*» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. *Он прекрасен,*
Он весь как Божия гроза.

Этот *могущий* всадник из «Полтавы» кумиром взнесен над Петербургом «Медного всадника». Город сохранил облик ваятеля, но люди забыли о Божьем замысле Преображенца, о том, что стихии надо укрощать, на то Бог дал человеку разум и силы. («Он весь как Божия гроза» означает не сти-

хию, а то, что Петр грозен как Бог, а не как человек, потерявший свет разума, а потому подвластный безличной стихии зла, не как Иван Грозный). Лик Божий может быть отражен только в человеке-личности, ибо сотворен он по Его образу и подобию, но не в безличной толпе, массе, не в стихии²⁸.

Петр преобразует природу там, где, казалось, это невысказано, где современный ему европеец махнул бы рукой, забыв, какую дикость, беды, болезни, злодеяния верховной власти преодолевали его собственные предки. Опять Мицкевич:

А кто столицу русскую воздвиг?..
Не люди, нет, то царь среди болот
Стал и сказал: «Тут строиться мы будем!»
И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям.

Забыты поэтом, *воображающим себя подлинным европейцем*, чумные бунты (а Пушкин помнит – «Пир во время чумы»), столетняя и тридцатилетняя война, унижения вилланов («Сцены из рыцарских времен»), слякоть и доводящая до самоубийства нищета английских бедняков, ужасы французской революции (и это Пушкин помнит: «Убийцу с палачами // Избрали мы в цари» – «Андрей Шенье»: о гуманных французах, устроивших массовые убийства именем народа). Кто думал о людях? Пушкин – реалист, человек ясного и трезвого взгляда. Он не идеализирует запад Европы, поэтому понимает, что *российская дикость не непреодолимая помеха европеизации*.

Мицкевич первым написал о страшном наводнении 7 ноября 1824 г. Для него – это законное воздаяние России и тирану за попытку стать Европой. У Мицкевича в ноябре, когда в Европе в крайнем случае осенняя слякоть, Нева покрыта льдом. Пушкин в примечании к «Медному всаднику» замечает: «Снегу не было – Нева не была покрыта льдом». Для Мицкевича Россия – снежный монстр, который никогда не европеизируется. Но для Пушкина в Петербурге совсем европейская слякоть, что, увы, не мешает разливу народной стихии. *Россия – это Европа, подверженная и ныне еще ударам стихийных сил, как раньше был им подвержен Запад – вот его формула русской истории*.

В результате, по позднейшему слову Ключевского, «перед старой романо-германской Европой ... предстала новая русская Европа»²⁹. Для Пушкина это доказательство Божественной силы, через человека преобразующей природу. Повторим: Пушкин был реалист, он не идеализировал Западную Европу, поэтому не смущался жестокостями Петра. Была для

²⁸ У Тютчева наоборот: Божий лик – в стихии: «Все зримое опять покроют воды, // И Божий лик изобразится в них!»

²⁹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. IV: Курс русской истории. С. 206.

него важна точка отсчета – Просвещение, за которое Запад тоже боролся и не всегда побеждал, да и дорого поплатился – страшной Французской революцией. Если в презираемом племени родился Сын Божий (как писал он Чаадаеву), то все возможно на этой Земле. Русь потому вернется в Европу, что она исконная часть Европы («Руслан и Людмила», «Песнь о вешем Олеге», «Борис Годунов», «Медный всадник» – это прочтение нашего прошлого как европейского) – и в плохом, и в хорошем.

И имевший в Лицее прозвище «француз» Пушкин был убит французом. Необычность этой смерти почувствовал и выразил великий Лермонтов:

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалёка,

Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!...

Сведения об авторах

Бакиши Наталия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Германской филологии Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), директор Российско-швейцарского учебно-научного центра РГГУ, член президиума Российского союза германистов, Москва
nataliabakshi@mail.ru

Гаврилова Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Москва
smgavrilova@gmail.com

Голубев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской академии наук, Москва
culture_iri@mail.ru

Гранцева Екатерина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель руководителя Центра испанских и португальских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва
kgrantseva@yandex.ru

Де Робертис Антон Джулио, PhD, профессор истории договоров и международной политики факультета права, Университет Бари
ag.rubertis@inwind.it

Деннингхаус Виктор, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Нордост-института при Гамбургском университете, Люнебург
v.doenninghaus@ikgn.de

Дударев Василий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва
wdudareff@gmail.com

Заиченко Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва
o.v.zaichenko@gmail.com

Ильмярв Магнус, PhD, старший научный сотрудник Школы гуманитарных исследований Таллинского университета
magnus.ilmjarv@tlu.ee

Кантор Владимир Карлович, доктор философских наук, профессор, ординарный профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
vlkantor@mail.ru

Лауринавичюс Чесловас, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Литвы, Вильнюс
laurinaviciusc@gmail.com

Макарова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и новейшей истории Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
chernovs@sumail.ru

Морозов Борис Маркович, PhD, сотрудник Центра Каммингса по изучению России и стран Восточной Европы Тель-Авивского университета
bmorozov@post.tau.ac.il

Муртузалиев Сергей Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва
msihistory2000@yandex.ru

Петрова Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва
maria.petrova@bk.ru

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник исследовательского проекта «Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны, 1949–1989», Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
popalex79@mail.ru

Ржеуцкий Владислав Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Германского исторического института в Москве
rjeoutski@gmail.com

Рогинский Вадим Вадимович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва
vadimroginskij@mail.ru

Сальес Виласека Нурия, PhD, Университет Помпеу Фабра, Барселона
nuria.salles@upf.edu

Саква Ричард, PhD, профессор, Университет Кента
R.Sakwa@kent.ac.uk

Сергеев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук, вице-президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны, Москва
eugene.sergeev59@gmail.com

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург
dmitrtim@yandex.ru

Торстендаль Рольф, PhD, почетный профессор Департамента истории Университета Упсалы
rolf.torstendahl@hist.uu.se

Феребов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУК Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
moskva1834@mail.ru

Хаванова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Института славяноведения Российской академии наук, Москва
austrian.centre.inslav@gmail.com

Эмар Морис, профессор истории раннего Нового и Нового времени, Школа высших социальных исследований, Париж
aymard@msh-paris.fr

List of authors

Aymard Maurice, Professor of Early Modern and Modern History, École des Hautes Études en Sciences Sociales (EHESS), Paris
aymard@msh-paris.fr

Bakshi Natalia A., PhD, Associate Professor, Deputy Head of a Chair of German Philology, Russian State University for Humanities (RSUH), Director of the Russian-Swiss Education Centre of RSUH, Member of Presidium of the Union of Russian Germanists, Moscow
nataliabakshi@mail.ru

De'Robertis Anton Giulio, Professor of the History of Treaties and International Politics, Law Department, University of Bari
ag.rubertis@inwind.it

Dönninghaus Victor, Professor, PhD, Deputy Director, Nordost-Institute at Hamburg University, Lüneburg
v.doenninghaus@ikgn.de

Dudarev Vasily S., PhD, Senior Research Fellow of The Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow
wdudareff@gmail.com

Ferebov Alexander N., PhD, Research Fellow, Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site
moskva1834@mail.ru

Gavrilova Svetlana M., PhD, Research Fellow, Center of Euro-Atlantic and International Security Studies, Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow
smgavrilova@gmail.com

Golubev Alexander V., PhD, Leading Research Fellow, head of the Center for studying of domestic culture, Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, Moscow
culture_iri@mail.ru

Grantseva Ekaterina O., PhD, Senior Research Fellow, Department of Spanish and Portuguese Studies, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
kgrantseva@yandex.ru

Ilmjärv Magnus, PhD, Senior Research Fellow, School of Humanities of Tallinn University
magnus.ilmjarv@tlu.ee

Kantor Vladimir K., Dr. Habil., Professor, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow
vlkantor@mail.ru

Khavanova Olga V., Dr. Habil., Deputy Director, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow
austrian.centre.inslav@gmail.com

Laurinavičius Česlovas, Dr. Habil., leading research fellow, Lithuanian institute of History, Vilnius
laurinaviciusc@gmail.com

Makarova Elena A., PhD, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Moscow State University
chernovs@sumail.ru

Morozov Boris M., PhD, Researcher in the Cummings Center for Russian and East European Studies, Tel Aviv University
bmorozov@post.tau.ac.il

Murtuzaliev Sergei I., Doctor Habil., Professor, Leading Research Fellow, Institute of World History Russian Academy of Sciences, Moscow
msihistory2000@yandex.ru

Petrova Maria A., PhD, Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
maria.petrova@bk.ru

Popov Aleksei D., PhD, Associate Researcher, Research Project «Soviet Cultural Diplomacy in the conditions of Cold War (1949–1989)», Southern Ural State University, Chelyabinsk
popalex79@mail.ru

Rjeoutski Vladislav S., PhD, Research Fellow, German Historical Institute of Moscow
rjeoutski@gmail.com

Roginskiy Vadim V., Professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow
vadimroginskij@mail.ru

Sakwa Richard, BA, PhD, Professor, University of Kent
R.Sakwa@kent.ac.uk

Sallés Vilaseca Núria, PhD, Universitat Pompeu Fabra, Barcelona
nuria.salles@upf.edu

Sergeev Evgeny Yu., Dr. Habil., Chief Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Russian State University for Humanities and State Academic University for Humanities, Vice-President of the Russian Association for the First World War Studies, Moscow
eugene.sergeev59@gmail.com

Timofeev Dmitry V., PhD, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg
dmitrtim@yandex.ru

Torstendahl Rolf, Professor emeritus, Department of History, Uppsala University
rolf.torstendahl@hist.uu.se

Zaichenko Olga V., PhD, Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow
o.v.zaichenko@gmail.com

Содержание

А.О. Чубарьян

Предисловие5

Россия – Европа: вехи совместной истории

М. Aymard

Russia and Europe between late 15th and late 17th century:

The origins of a new dialogue7

R. Torstendahl

Borders and space – treaties and history as sources of conflicts17

A.G. De'Robertis

Common interest versus national interest. The roots of the present crisis of multilateralism and the withering perspective of the new international order27

R. Sakwa

One Europe or none: Russia and Europe through the prism of the political . . .33

В.В. Рогинский

Северная Европа и Россия: сложные повороты во взаимоотношениях XVIII – начало XX века48

В.С. Дударев

Россия и Германия: сферы взаимного сотрудничества. XIX век57

Ч. Лауринавичюс

На перекрестке политических систем. Проблема литовской национальной государственности в контексте оси Москва – Лондон68

Б.М. Морозов

Израиль в конфликтах между СССР и Западом: на примере Шестидневной войны 1967 года81

Конфликты – конкуренция – союзы в международных отношениях

N. Sallés Vilaseca

Spain's discovery of Russia: a challenge to the British-designed
«balance of power» (1717-1719)95

О.В. Хаванова

Цена альянса: австрийская дипломатия и русский двор в годы
Семилетней войны109

В.С. Ржеуцкий

Выбор языка: российская дипломатия в первой половине XVIII века
и использование французского языка122

М.А. Петрова

Перевод и адаптация европейской дипломатической литературы
в России во второй половине XVIII века132

В.Н. Земцов

Наполеон и идея Объединенной Европы146

А.В. Гладышев

Венский конгресс и один проект реорганизации Европы159

В. Дённингхаус

«Вильгельм II был “нашим Кайзером”, а Николай II – “нашим Царем”...»
Политические и национальные союзы немцев в Москве
в конце XIX – начале XX века166

Е.Ю. Сергеев

Народный комиссариат иностранных дел и Форин-офис в 1918-1924 гг.:
от противостояния к сотрудничеству177

Россия в европейских дискурсах.

Европа и Запад в российских дискурсах XVIII-XX вв.

А.В. Голубев

Европа и Запад в российских дискурсах XVIII–XX вв.:
эволюция внешнеполитических стереотипов191

В.К. Кантор

Русский европеец как феномен противостояния Европе. (Пушкин)208

О.В. Заиченко

Конструирование «Петербургского мифа» как части общественно-политических дискуссий в Германии в период Реставрации227

М. Ильмярв

Образ Советского Союза в странах Балтии в межвоенный период: политики, военные и пресса243

Россия и Европа: пространство образования и культуры

С.И. Муртузалиев

Влияние европейской культуры и науки на преподавание всеобщей истории в России XVIII-XIX вв.267

А.Н. Феребов

Экзамен по иностранному языку по указу от 6 августа 1809 г.: разнообразие языков и их социальная привязанность (по материалам Московского университета)288

Е.О. Гранцева

Россия и Испания в XX веке: специфика культурного взаимодействия . . .298

С.М. Гаврилова

Россия и Италия сегодня: политика, экономика, культура313

Н.А. Бакиш

Русская литература через призму издательства «Зуркамп» во второй половине XX века335

А.Д. Попов

Шаг навстречу или наступление? Поездки советских туристов в капиталистические страны Европы во время «холодной войны»344

Е.А. Макарова

Образ России в популярной английской художественной литературе конца XIX – начала XX века357

Д.В. Тимофеев

Подражание или адаптация: проблема европейского идейного влияния в России начала XIX века в контексте истории понятий368

Сведения об авторах382

List of authors385

Научное издание

**Россия и Европа:
исторический опыт взаимодействия
и взаимопонимания
XVIII–XX вв.**

Сборник статей

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян (ответственный редактор),
А.А. Исэров, М.А. Петрова,
Л.А. Садова (составитель)

Формат: 70x100/16

Гарнитура: Times New Roman

Печать: офсетная. Бумага: офсетная

Тираж: 600 экз.

Издательство ООО «Геоинфо»